

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ,
председатель Союза писателей России,
заместитель главы Всемирного Русского Народного Собора

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА РАЗВАЛИНАХ КАРФАГЕНА

Об исторических закономерностях, силе слова,
судьбах держав и цивилизаций

Силой обстоятельств мне довелось побывать в Тунисе. Конечно, я попросил отвезти меня в Карфаген, вернее, на то историческое место, где существовал этот легендарный город. “Ну да, – сказал Имад Маджуб, советник тунисского посольства. – У вас в России Тунис могут и не знать, а Карфаген знают все”.

Не возьмусь говорить за “всех”, а в послевоенной полтавской Комышне учитель-фронтовик Александр Семёнович Криворучко, громяхая на всю школу, рассказывал нам о пунических войнах, о далёком и таинственном Карфагене, о великом полководце Ганнибале. На всю жизнь врезались в память понятия, фразы, афоризмы... “Битва при Каннах”, “Анибалова клятва”, “А всё-таки Карфаген должен быть разрушен”, “Вы победите... Но худшие люди победят лучших”. Позднее, уже в университете, передо мною начала вырисовываться гигантская личность Ганнибала.

...Место, куда мы приехали, не впечатляло. Какая-то рыжая, потрескавшаяся земля, рытвины, каменные развалины, громоздящиеся то тут, то там, одинокие, выщербленные колонны на каменистых полянах.

Понимал и знал, что римляне, захватив Карфаген, сожгли и до основания разрушили город. А затем развеяли прах, распахали то место, где он стоял... Но чтобы так невыразительно, невпечатляюще выглядел величайший город древнего мира, место особой древней цивилизации? В поверженных Афинах всё-таки устоял Парфенон. В Риме варвары не разрушили Колизей. Римляне же, пребывавшие в смертельном страхе от многолетнего своего конкурента, казалось, на века обезопасили себя, стерев с лица земли память о нём.

Я нагнулся, подобрал какой-то потускневший черепок. Может быть, он всё-таки оттуда, из того времени, когда порывистые финикийцы, преодолев немислимое расстояние от Тира, основали новый город, протянувший свои щупальцы в Ливию, Иберию, Сицилию, Корсику, Грецию? Карфаген имел разноплеменную армию из иберийцев, галлов, италиков, греков, африканцев всех мастей и казался непобедимым. Во главе его армий стоял великий полководец. Ганнибал – сын Гамилькара Барки – с детских лет поклялся отцу перед алтарём в вечной ненависти к Риму. Эта “Анибалова клятва” (как было принято писать раньше) вошла в историю как заповедь священной ненависти.

В двадцать пять лет Ганнибал возглавил карфагенское войско и громил римлян на Пиренеях, в пределах нынешней Испании, в Галлии – нынешней Франции, пересёк Альпы и вторгся в Италию. Первая его победа, громкая победа, была при реке Тицин. Перед боем он пообещал наёмным солдатам земли и рабов. Своё обещание скрепил клятвой: он схватил левой рукой ягнёнка, а правой камень. И тут же обратился к богам с молитвой – в случае нарушения клятвы предать его такой же смерти, какой он предаёт жертвенное животное. С этими словами Ганнибал разбил камнем голову ягнёнка. Воины взревели от восторга. Битва была выиграна.

Но кошмаром для римлян стала знаменитая битва при Каннах. Семьдесят тысяч римских воинов пали в сражении. Лишь три тысячи сумели выбраться из окружения. Римская армия была полностью уничтожена. Впереди был Рим. Но Ганнибалу казалось, что сил для дальнейшего продолжения битвы мало. К дальнейшему движению на Рим Ганнибала призывал начальник его конницы Махарбала. Он воскликнул: “Не всё, конечно, дают боги одному человеку. Ты умеешь побеждать, Ганнибал; пользоваться победой ты не умеешь!” Да, пожалуй, так и было. Звезда Ганнибала заходила, но битва при Каннах вошла в мировую военную науку как образец стратегического искусства.

Наполеон советовал всем полководцам “читать и перечитывать историю походов Ганнибала, формировать себя по его образу”. Особо поклонялись его талантам немецкие военные стратеги и учёные. Генерал фон Шлифен считал действия Ганнибала “высшим достижением военного искусства”. Он ставил в число величайших полководцев Аттилу, Чингисхана, Ганнибала. Канны считались самой блестящей победой по окружению и разгрому противника. Конечно, после Сталинграда появился новый образец. Тем не менее я не знаю, кто ещё из великих людей удостоивался столь восторженных оценок, как Ганнибал, может быть, только Наполеон да Сталин.

...Стою у бывшей Карфагенской бухты, пытаюсь нащупать древний пульс города, который мог явить новую цивилизацию и заменить ею римскую. Ведь даже Аристотель в своём трактате “Политика” охарактеризовал государственное устройство Карфагена “как наилучшее”. Но вот прозвучало: “Карфаген должен быть разрушен!” – и слово материализовалось, воплотилось в когорты, центурии, и великий город исчез, как древняя Атлантида, как кошмарный сон римлян.

...Купил в киоске карту древнего Карфагена, где воспроизведены его старые кварталы – Бирсу, гавань Котон. Много говорил об этом уже мифическом образовании древних со своими тунисскими друзьями. Они попросили меня возглавить клуб “Карфаген”, где встречались бы русские и тунисские учёные, писатели, артисты, музыканты, журналисты. Мы это и делаем, изредка вспоминая давнюю историю и новые события. К удивлению, дыхание веков слышно и во многих сегодняшних событиях.

“Карфаген должен быть разрушен”

Рим был в тревоге. Плебс постоянно требовал хлеба и зрелищ. Нравы падали. Враг угрожал со всех сторон. Лучшие умы империи искали выход... Сципионы считались одними из самых нравственных граждан Рима. Они боролись и утверждали честь и справедливость, порядок и моральные принципы. Вот и сегодня Публий Корнелий Сципион Насика внёс в Сенат законопроект, запрещающий лицедейский театр, как заведение бесполезное и наносящее вред добрым нравам, а также требование: запретить проливать кровь гладиаторов на арене Колизея.

“Это разрушает нравы!” – стучал голос Сципиона в сердца сенаторов. “О чём он говорит, – гремел в ответ голос сенатора Катона. – Надо разрушить Карфаген, иначе он разрушит город Ромула и Рема. И я впредь буду заканчивать все свои речи в Сенате этим отнюдь не кровожадным, а спасительным призывом!” Марк Публий Катон прошёл уже две войны с Карфагеном и знал о его могуществе не понаслышке. Сципион был более спокоен и рассудителен: “Риму достаточно жертв, и прежде чем начинать неубедительные походы, надо проверить, есть ли в этом очаге дрова”. Он помолчал и добавил: “Лучше превратить Карфаген в союзника и включить его в нашу орбиту”.

Но Катон не унимался, он гремел не только на весь Сенат, но и на весь Рим: “Карфаген должен быть разрушен!” Город наполнился слухами, страхами, опасениями. Авторитет Сципионов падал. Катон, как любой популист, становился любимцем площадей и улиц. Насика страдал, нервничал, его мучило давнее предсказание дельфийского оракула по поводу войны с Карфагеном: “Вы победите... Но худшие люди победят лучших”. Неужели мы худшие? Неужели они лучшие? Они, карфагеняне, уже выигравшие свои сражения в Испании, разгромившие нас при Тразименском озере, при Каннах?..”

Канны вызывали озноб у всех римлян. Насика понимал, что это самая блестящая победа Ганнибала. Хвала Юпитеру, что этого невиданного карфагенского полководца уже нет в живых! У римлян такого не было, а тот ведь казался почти неуязвимым. Римляне, привыкшие к неге, утехам, знали, что для Ганнибала этого не существовало. Он первым вступал в бой и последним уходил из него.

Тит Ливий, крупнейший римский историограф, писал о нём: “Никогда ещё один и тот же характер не был так приспособлен к различным делам – повиновению и повелеванию. Насколько большую смелость он проявлял, принимая на себя опасность, настолько большую мудрость он выказывал в самой опасности. Никакая тягость не могла утомить его тело или победить душу. Он одинаково терпеливо переносил жару и холод; меру еды и питья он определял природной потребностью, а не удовольствием; он выбирал время для бодрствования и сна, не отличая день от ночи, то, что оставалось от работы, он отдавал покою; его он находил не на лёгком ложе, не в тишине. Многие часто видели, как он, завернувшись в военный плащ, спал на земле среди воинов, стоявших на постах и в порядках. Ничто из одежды не отличало его от ровесников, его можно было узнать по оружию и коню. Он далеко опережал всадников и пехотинцев, первым вступал в бой и последним покидал сражение. Эти столь многочисленные доблести уравновешивались огромными пороками: бесчеловечная жестокость, вероломство... ничего истинного, ничего святого, никакого страха перед богами, никакой клятвы, никакой совестливости”.

Сципионы и Катон схлестнулись не на шутку. Сципионы считали, что лучше сделать Карфаген союзником и с его помощью завладеть Средиземноморьем. Ибо карфагеняне умелые мореплаватели, торговцы, ремесленники. Эти древние финикийцы блестяще владели морским искусством, они умели соединять различные города и земли, прошивать их своею торговлей и товарами. Но Катон повторял: “Карфаген должен быть разрушен!” И разрушение нравилось римлянам, они всё больше и больше уходили от созидания. Каждая речь Катона, была ли она о положении всадников, о земле, о греческих колониях, об уголовном законе, заканчивалась громогласным: “Карфаген должен быть разрушен!” Внезапно Насике пришла в голову прекрасная мысль: снарядить в Карфаген посольство и поставить во главе Катона. “Пусть он убедится в подчинении Карфагена мирным договорам с Римом, не будет же он придумывать мнимые опасности, – решил Насика. – Ну, а если Карфаген действительно готовится к новой войне?..” – эта мысль жгла его.

Он внёс предложение в Сенат, там его приняли с радостью, ибо неизвестность пугала, а любая истина открывала дорогу к действию.

Сенат затих, когда Насика Сципион предложил, чтобы Катон вошёл в посольство, а может быть, и возглавил его.

– Однако он кинул крокодила в бассейн, где сам плавает, – бросил один из Фабиев.

– Ну, он-то надеется выплыть из бассейна, а крокодила могут и поразить копьём, – хмыкнул Корнелий..

...Посольство, собрав самых зорких воинов, знавших язык карфагенцев и их нравы, торговцев и переводчиков, отплыло в Карфаген. Неделя, две, три прошло после того, как посольский корабль покинул берег империи. И вот наконец-то посольство вернулось. Все были встревожены. И катоновцы, и сторонники Сципионов. На следующий день в Сенате было непривычно много народа. Пришли степенные, с выражением презрения на лице патриции, озирающиеся по сторонам, чтобы не нарушить иерархию, всадники. На балконах толпились плебеи, ремесленники, земледельцы и даже вольноотпущенники: что там Карфаген? Все ждали выступления Катона.

Он вышел на середину с мешком и вдруг, как заправский фокусник, сыпанул из него зелёные шары, похожие на крупные оливки.

– Да – это оливки, – подняв руки вверх, почти продекламировал Катон, – такие может выращивать римский земледелец на карфагенских землях, – предупредил будущее сенатор.

“Ведь он апеллирует к захвату”, – с печалью подумал Сципион.

А Катон напрягал голос. Он уже звучал басовой трубой:

– О спящие и видящие сладостные сны римляне! У вас тут всё спокойно. Вы уверены, что ни греки, ни иберийцы, ни галлы не нападут на вас. Они и не нападут, а карфагеняне сушат доски, они строгают мачты, они заполняют копьями свои склады. На следующий год их диремы, триремы и даже квад-риремы с квинкверемами выйдут в наше море, и вы увидите их войско не только в Сицилии, но и под стенами Рима.

Зал замер. Одни предчувствовали, что Карфаген опасен, другие были уверены в его военном бессилии, третьи вообще не думали об опасности с юга, четвёртые не думали ни о чём. Но у всех вставали в памяти Канны, где грозный Ганнибал буквально раздробил римские легионы. А что сейчас?

Катон сделал длинную паузу, чувствовалось, что он торжествовал. Его постоянная фраза приобрела сегодня весомый и завершающий смысл. Она становилась сегодня огненной, разрушительной. Он обвёл взглядом сидящих и стоящих римлян и остановил взор на Насике Сципионе. Слово Юпитер с небес, громыхнул:

– Я сегодня уверен, как никогда, что Карфаген должен быть разрушен!

Насика уже думал о том, как Сципионам возглавить поход на непокорный город.

Война с Карфагеном грянула. Под его стены подошло мощное римское войско. Карфагеняне делали уступку за уступкой, передав римскому войску, окружившему город, двести тысяч комплектов пехотного вооружения. И три тысячи катапульт! Они отправили также триста заложников, сыновей членов Совета и коллегии города.

И вот, когда почти все требования римского консула были выполнены, карфагенцев оглушило новое условие: покинуть город и переселиться в любое другое место, но не ближе, чем в пятнадцати километрах от моря. Какое коварство!

Карфагеняне не знали, что Сенат по настоянию Катона дал тайное указание: вести дело к войне и уничтожению Карфагена и, удалив прекрасных моряков, торговцев и флотоводцев от морей, прекратить их конкуренцию. Карфагеняне, услышав этот приговор, взорвались. Безумная оргия отчаяния овладела городом. Кто-то кинулся бить послов, привезших трагическую весть, кто-то стал убивать случайно оказавшихся в городе италиков, кто-то громил дома членов Совета, шедших всё время на уступки римлянам, кто-то побежал в храмы, кто-то в арсеналы, вопия: “Вот к чему приводит соглашение с врагом!”

Совет города решил воевать. Главнокомандующим был назначен Гасдрубал, недавно приговорённый к смертной казни за сопротивление римлянам. Конечно, было поздно. Но карфагеняне решили не покидать родины и днём и ночью готовились к сопротивлению.

Все большие жилые здания, помещения государственных служб, храмы превратились в оружейные мастерские. С утра до вечера в них ковали оружие. Римский историк Страбон писал, что за сутки изготавливалось 140 щитов, 300 мечей, 1000 стрел для катапульт, 500 дротиков и катапульты, катапульты, катапульты...

Женщины без сожаления отрезали косы и несли их, чтобы готовить канаты для катапульт. Из храмов и из домов богачей брали медные статуи, переливали их и делали оружие. Из перекрытий общественных и частных зданий вытаскивали деревянные балки для строительства судов. Богатые и бедные сдавали деньги для приобретения мечей. Женщины Карфагена по собственной воле лишились золотых украшений, отдав их на дело обороны.

Вроде бы павший и покорившийся Карфаген вдруг воскрес и стал грозной силой. Консулы Рима безуспешно пытались штурмовать город и атаковать партизан, действующих у них в тылу. Лишь военный трибун Сципион Эмилиан проводил успешные рейды и атаки.

В Риме неудачи консулов внушали тревогу и недовольство, и в 147 году до н. э. новым консулом избрали Сципиона Эмилиана, хотя он и не достиг возраста, позволявшего занимать эту должность. Эмилиан умело повёл кампанию. Он перестал разбрасываться. Главное – осада Карфагена! К крепост-

ным стенам подтянули всё войско. Оно встало всего в пяти стадиях (один километр) от города. А дальше осада Магры – северной, окружённой стенами, части Карфагена. Юноши-воины, верившие гению Эмилиана, вскарабкались на одиноко стоящую башню, прыгнули в город и взломали изнутри ворота. Магра была взята.

Гасдрубал решил запугать атакующих и взбодрить гарнизон, устроив вакханалию на стенах крепости. Он вывел пленных римлян, чтобы было видно войску Эмилиана, на крепостную башню и стал вырывать им глаза, отрезать языки, вытягивал жилы, отрезал подошвы, сдирал кожу. Умиравших сбрасывали вниз, в рвы.

Да, Гасдрубал добился того, чего хотел. Надежды на спасение горожанам не было. Надо было сражаться. Но и римлян никакой мир уже не устраивал. Карфаген должен быть разрушен! Это уже говорил младший из Сципионов. Он, согнав рабов, стремительно воздвиг башню, которая вознеслась над крепостными стенами, и теперь весь город у него был как на ладони. А с двух сторон бухты сыпали и сыпали камни. О Боже, он воздвигает дамбу! Он перекрывает Карфагену выход в море!

Но карфагеняне не привыкли сдаваться. К удивлению римлян, однажды в море вышел целый флот из пятидесяти триер и мелких кораблей. Бой был жестокий. Никто не победил. Но когда у входа в бухту карфагенские корабли сгрудились в кучу, пригодились тараны римлян, которые разрушили почти всю эскадру.

Всю осень и зиму Эмилиан строил стены вровень с карфагенскими и ринулся на штурм. Вначале атаковал район гавани и захватил его. Но продвигаться дальше не смог. Его алчные воины кинулись грабить храм бога огня Решефа. Настоящая свалка была у статуи бога, покрытой золотыми пластинками. Командиры призывали к новой атаке. Но воины мечами, копьями, руками отдирали золото, обнажая уже бессильного бога. Пока тысячу золотых талантов не разделили, в новую атаку не пошли.

Впереди последний оплот Карфагена – гора Бирса, на которой был основан и построен этот город. Туда со всех сторон бежали люди. Со стороны рыночной площади к Бирсе поднимались три улицы, застроенные шестиэтажными домами. Каждый дом римляне брали штурмом. Захватывая один, они перебрасывали доски, лестницы на крышу другого и перебежали, продолжая атаку. Внизу тоже шла сеча. Этаж за этажом, крышу за крышей, квартал за кварталом захватывали римляне. Вот и сама Бирса. Эмилиан приказал поджигать город, разрушать дома. До окончательного осуществления катоновского призыва оставалось уже немного.

Через три с половиной века греческий историограф Аппиан так опишет эту заключительную часть карфагенской драмы: "...огонь сжигал всё и перекидывался с дома на дом, а люди не постепенно разбирали здания, но, навалившись все разом, обрушивали их. От этого грохот ещё больше усиливался, и вместе с камнями вываливались и мёртвые, и живые, в большинстве старики, и женщины, и дети, которые прятались в укромных уголках дома; одни раненые, другие полуобожжённые, они испускали жуткие вопли, другие же, сбрасываемые и падавшие с такой высоты вместе с камнями и горящими балками, испытывали огромные страдания, ломая кости и разбиваясь насмерть. Но этим их мучения не кончались; сборщики камней, которые топорами, секирами и крючьями оттаскивали упавшее и расчищали дорогу для пробежавших солдат, одни – топорами и секирами, другие – остриями крючьев выбрасывали в ямы и мёртвых, и живых, таща их и переворачивая железом, как брёвна и камни. Люди, точно мусор, заполняли рвы. Одни из выбрасываемых падали на голову, их ноги, торчавшие из земли, ещё долго содрогались, другие падали вниз ногами, и их головы высывались над землёй. Лошади на скаку разбивали им лица и черепа, не потому, что всадники этого хотели, но из-за спешки. По этой же причине так делали и сборщики камней; трудности войны, уверенность в быстрой победе, быстрое продвижение войск, глашатаи и трубные сигналы, возбуждавшие всех, военные центурионы, пробежавшие мимо со своими отрядами, сменяя друг друга, – всё это делало всех из-за спешки безумными и равнодушными к тому, что они видели".

Шесть дней длилась кровавая оргия. Наконец жрецы пришли к Эмилиану и просили сохранить жизнь тем, кто сдаётся и желает выйти из Бирсы. Более пятидесяти тысяч женщин и мужчин вышли из крепости и тут же были взяты

под стражу. Гасдрубал на коленях просил у Эмилиана пощады. Но его жена зарезала на глазах консула своих детей и себя, воскликнув: “Как вы могли поверить Риму!”

Эмилиан долго смотрел на пожарище и развалины города. Рядом с ним стоял грек Полибий, заложник и раб, ставший человеком, приближённым к Сципионам. Полибий услышал, как Эмилиан вспомнил стихи Гомера:

*Будет некогда день, и погибнет священная Троя.
С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама.*

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Полибий.

– Всё хорошо, – ответил Эмилиан. – Но я боюсь, что когда-нибудь такую же весть принесут и о Риме.

... Несколько дней солдаты грабили город. Нагруженный золотом и серебром корабль принёс в Рим долгожданную весть. Там был восторг, на алтаре легли жертвы, в городе устроены радостные игры. Карфаген по указанию Сената был разрушен и стёрт с лица земли.

Бич божий

Холодный взгляд Аттилы скользил по морю огня над уже исчезающим Римом. Он не видел груды окровавленных людей, но ощущал запах горящих и разлагающихся тел, до его слуха долетали стоны и крики раненых, грохот разрушающихся зданий, шипение догорающих головешек на пожарищах. Его слух ласкал треск распадающихся от пламени мраморных монументов и скульптур. Там рухнул Юпитер, там разлеталась от удара варвара Юнона. Аттиле было безразлично, сердится или не сердится на него Юпитер. Он не знал его, не молился ему, не отрицал его, потому что душе варвара римские боги были неизвестны. Истошные стоны об охранявшем столетия Рим Юпитере исходили от пленных. Их бог был повержен. Аттила молчал, он не знал поклонения, у него не было страха. Его не тревожило будущее. Не было и “вечного города”, как называли Рим пленные. В лоскутном сознании варвара всплывала какая-то непонятная фраза, которую он слышал, готовясь к штурму Рима: “Карфаген должен быть разрушен”.

“Что за Карфаген?” – подумал он. Обернувшись к толпе пленных, он ткнул в стоявшего чуть в стороне в разорванной прожжённой багряной тунике римлянина и сказал греку-переводчику:

– Спроси его, чем славен этот Карфаген, кто разрушил его?

Оборванный, в саже, в кровавых пятнах римский патриций пытался взглянуть не униженно и почти с вызовом выкрикнул:

– Я был богатый, почти самый богатый в Риме человек. А мои предки призывали разрушить этот могучий город Карфаген.

– Где теперь твоё богатство? – почти без насмешки спросил Аттила.

Римлянин картинно вознёс руки, показывая на небеса, на клубы дыма, возносящиеся вверх от города.

– Оно там!

– А твой город – не там ли, где Карфаген?

Римлянин молчал.

– Что сделали твои предки с карфагенянами?

– Те стали нашими рабами.

– Вот и ты будешь убирать мои испражнения, навоз моих лошадей, – усмехнулся гунн.

– Я же патриций, Аттила!

– Я и дарю тебе жизнь, а остальных – зарубить.

– Поистине, ты бич божий, Аттила!

– Я не знаю вашего бога. Для гуннов нет выше правителя, чем я, Аттила. И я явился сюда из глубин земли, чтоб наказать вас за самонадеянность, гордыню и презрение к другим. И так будет с каждым племенем, мнящим себя великим, непобедимым и единственным в мире, и никакие моря, никакое оружие не спасёт их.

Аттила развернулся и поехал в сторону от Рима, растворяясь в дымных клубах и столах вечного города.

В ответ разрушению — разрушение

— Империя зла! — день за днём повторял слабеющий американский президент слова, в которые не очень верил, но которые должны были наполнить смыслом, страхом, образами, сравнениями журналисты, историки, философы, экстрасенсы, литераторы, политологи, психологи, маги — все, кому платила деньги могущественная страна. Этими словами президент оправдывал противостояния и войны, диверсии и провокации против “Советов”. Гигантская машина американского государства работала на противостояние, сказанные слова приобретали материальную силу. Советский Союз был повержен. Империя доллара торжествовала.

Многие сравнивали магическую силу слов президента со знаменитым римским: “Карфаген должен быть разрушен”. Но известно, что триумф Рима, погрязшего в грехах, тщеславии и высокомерии, отвергшего путь христианского добротолубия, завершился крушением...

* * *

Великие драмы и уроки предоставляет нам история... Но учится ли у неё человек?